

Дель Амо

Психологическая проза

**Jean-Baptiste
Del Amo**

**REGNE
ANIMAL**

**Жан-Батист
Дель Амо**

**ЗВЕРИНОЕ
ЦАРСТВО**

Роман

Перевод с французского
Елены Клоковой

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д29

Jean-Baptiste DEL AMO

REGNE ANIMAL

Copyright Editions GALLIMARD, Paris, 2016

Перевод с французского *Елены Клоковой*

Иллюстрация и дизайн *Ольги Медведковой*

Дель Амо, Жан-Батист.

Д29 Звериное царство / Жан-Батист Дель Амо ;
[пер. с фр. Е. Клоковой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100028-8

Грязная земля прилипает к ботинкам, в воздухе животный запах фермы, владеет которой почти век одна семья. Если вы находитесь близко к природе, то становитесь человечнее и начинаете лучше ее понимать. Но может случиться и другое — вы можете одичать, разучиться чувствовать, очерстветь. Как члены этой самой семьи, которые так погрязли в ненависти, жестокости не только друг к другу, но и к животным, что движутся к неминуемому разрушению.

Большой роман о дрейфе человечества. Парадокс его в том, что люди, которые стремятся всеми силами доминировать над природой, в этой беспощадной борьбе раскрывают всю свою дикость и зверство.

Вышедший ранее на русском языке роман «СОЛЬ» поразил читателей и вызвал неоднозначную реакцию.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100028-8

ЭТА ГРЯЗНАЯ ЗЕМЛЯ

(1898—1914)

Весной и летом он каждый вечер садится на маленькую трухлявую, подбитую гвоздями скамейку с подкашивающимися ножками. Она стоит под освещенным окном комнаты, где разыгрывается театр теней. На массивном дубовом столе потрескивает и вздыхает масляная лампа, в очаге горит «вечный» огонь, играя суетливым силуэтом хозяйки, лепит его к стене, подбрасывает к потолочным балкам, ломает об угол, и этот желтый неверный свет увеличивает комнату в размерах, раздвигает границы мрака во дворе, и только неподвижная мужская фигура остается темной в некоем подобии контражура. В любое время года он ждет наступления ночи на деревянной скамейке, где когда-то сидел его отец. За много лет ножки покрылись мхом и вросли в землю, так что вставать с нее хозяину стало затруднительно, но ему и в голову не приходит поставить новую, пока у старушки цела хоть одна доска. Он убежден, что вещи должны как можно дольше сохраняться в первозданном виде, меняясь только под воздействием времени.

Он возвращается с поля, разувается на крыльце, опираясь о косяк, тщательно стряхивает

грязь с ботинок, останавливается на пороге комнаты, втягивает воздух, влажный от дыхания животных, скучные запахи рагу и супа, от которых запотевают стекла, и вспоминает, как в детстве стоял у окна в ожидании, когда мать знаком позовет его к столу, а потом появится отец и даст ему дружеского тычка в плечо. Длинное худое тело мужчины сутулится, шея сгибается под необычным углом. Она так продубилась на солнце, что не светлеет и остается смуглой даже зимой. Первый позвонок, похожий на мозолистую кисту, торчит между плечами. Он снимает бесформенную шляпу, обнажает лысую голову и несколько секунд ощупывает ее ладонями, как будто пытается вспомнить, что делать дальше, или надеется услышать голос матери, давно проглоченной и переваренной землей: она всегда говорила ему, что делать. Жена упорно молчит, и он наконец решается — делает шаг, втаскивая за собой собственную вонь и животные запахи, идет к выгородке, где стоит супружеская кровать, и открывает дверь. Садится на край матраса, опирается на спинку с искусной резьбой, расстегивает грязную рубашу, то и дело заходясь кашлем. День подошел к концу, и силы иссякли. Болезнь не пощадила его плоть, тело стало легким, но ему трудно сохранять вертикальное положение, кажется, что он в любой момент может сломаться, сорваться вниз, как лист с ветки, планируя в спертом воздухе комнаты справа налево и слева направо, а потом бесшумно опуститься на пол или залететь под кровать.

Стоящий на огне чугунок согрелся, мать дала Элеоноре кувшин с холодной водой, и девочка медленно, торжественной поступью пошла к отцу. Вода, несмотря на все ее старания, льется через край ей на руки и закатанные рукава рубашки. Ребенок чувствует затылком недобрый взгляд матери. Та идет следом, рискуя обварить дочь кипятком, если та не поторопится. В полумраке отец напоминает большую птицу. Он сидит, уперев локти в колени, и созерцает сучки на дверях гардероба и фитилек свечи на туалетном столике. Отражаясь в висящем на стене овальном зеркале, она высвечивает комнату в гротескном, искаженном виде. Через отверстие в саманной стене на уровне человеческих глаз видны головы двух задумчиво вздыхающих коров. Жар от их тел и свежего навоза согревает людей. В синеватых зрачках животных можно разглядеть сценки, которые разыгрываются в комнате на фоне очага. При виде жены и дочери мужчина выныривает из задумчивости, овладевшей его чахлым телом с выступающими жилами. Он собирается с силами, встает, распрямляет бледную спину, заросшую седыми волосками, напоминающими сорняки в бороздах пашни. Живот, желтый от пламени свечи, втягивается, мужчина расслабляет руки с мозолистыми локтями и пробует улыбаться.

Мать наливает горячую воду в таз на туалетном столике. Забирает у Элеоноры кувшин, ставит его на полку и возвращается на кухню, даже не взглянув на мужа, как будто ей неприятен вид обнаженного до пояса тела, такого же исто-

щенного, как у Спасителя на распятии в изножье кровати. Женщина обращается к Всевышнему в молитвах на сон грядущий при тусклом свете лампадки. Он напоминает ей мужа, лежащего рядом в кровати. Она с трудом выносит соседство с этим костлявым липко-потным телом, которое то и дело сотрясает кашель, но иногда ее посещает пугающая мысль: что, если, отворачиваясь от мужа, оплодотворившего ее чрево, она отворачивается от Отца и Сына и предает веру? Движимая чувством вины, она бросает взгляд на супруга и в порыве внезапного озлобленного сострадания встает, чтобы вылить из тазика кровавые сгустки мокроты, готовит горчичник, смешивает питье из водки, тмина и меда. Больной тяжело приподнимается в подушках и, почти растроганный женской заботой, отхлебывает из чашки, стараясь не пить слишком быстро бесполезную горькую микстуру. Она стоит рядом, переминаясь с ноги на ногу. Видение распятого мужа успело растаять, унеся с собой чувство вины, и женщина хочет одного — вернуться поскорее в постель и раствориться, спрятаться во сне. Она отворачивается, ворчит, но так тихо, что он принимает ее слова за жалобы на его никудышное здоровье, на хроническое воспаление легких, привязавшееся к нему десять лет назад и превратившее крепкого мужчину в усталое нескладное существо, место которому в санатории. На самом деле она пеняет злой судьбе: за что ты так ополчилась на меня, разве мало того, что я долго ходила за лежащей матерью и хоронила родителей?

Когда отец наклоняется над тазиком, зачерпывает теплую воду и подносит ладони к лицу, Элеонора, стоя поодаль, внимательно следит за каждым его жестом, совершаемым ежевечерне в строго определенном порядке, в одном и том же ритме, в световом круге от лампы. Если мать велит ей сесть, она подчиняется, но косится на изгиб мужской спины, «четки» позвонков, намыленную рукавичку, трущую кожу и усталые мышцы, на чистую рубаху, которую он натягивает через голову. Пальцы застегивают пуговички, хрупкие и изящные, как лапки ночных бабочек «мертвая голова», выводящихся на картофельных полях. Потом отец садится за стол, мать занимает место рядом с ним, и он читает осипшим голосом молитву, соединив у лба ладони с шишковатыми суставами и чернотой под ногтями. Все принимаются за еду — жуют молча, скребут ложками по дну тарелок. Навязчиво жужжат мухи, и никто не гонит их от губ. Мать глотает с трудом, проталкивает в желудок застрявший в глотке «камень». Ее раздражают звуки, вылетающие изо рта мужа: он чавкает, причмокивает, хлюпает, лязгает зубами.

Прием пищи — самое ненавистное из занятий, связанных с физическими отправлениями. Мочится мать семейства стоя, задрав юбки, и делает это где попало — в поле, на улице, посреди двора на кучу навоза, и ее жидкость смешивается с испражнениями скотины, а чтобы облегчиться всерьез, заходит за колючий куст и присаживается. Ест она мало, нехотя, с брезгливым выражением на лице и почти сразу насыщается. Чужой

аппетит внушает ей омерзение. Она укоряет мужа — за то, что ест, опустив глаза, с подозрением смотрит на дочь, а если отец умильно-жалобно просит еще стаканчик вина, напоминает ему о Ное, который спяну заголился перед сыновьями, и Лоте, предавшемся блуду с дочерьями. Она постится — днями, неделями, пьет только воду, если жажда становится нестерпимой. Летом она велит домочадцам делать припасы, а самим питаться ежевикой и фруктами из сада. Найдя червячка в сливе или в яблоке, она рассматривает поганца, показывает окружающим и... съедает. Говорит, что у него жертвенный вкус. Она усохла, превратилась в бледную безжизненную оболочку, натянутую на узловатые мышцы и выпирающие острые кости. Элеонора видит ее лицо счастливым только на воскресной мессе, после Евхаристии¹ и принятого у подножия алтаря причастия. Она с восторженным исступлением «приобщается Тела и Крови Иисуса Христа»² и с надменным видом возвращается к своей скамье, плотоядно косясь на дароносицу, в которой отец Антуан держит просфоры. Выйдя из церкви, она на несколько мгновений задерживается на паперти, стоит с важным видом, люди вокруг нее разговаривают, а ей вроде как требуется время, чтобы очнуться от грезы. А может, женщина воображает, что причащались все, но получила причастие только она, и это выделяет ее из толпы односельчан, придает значительности. Она осторожно, кончиком языка, отлепляет от неба последние кусочки просфоры и отправляется в обратный путь по холмам, не произнеся ни сло-

ва. Тащит дочь за руку, а отец семейства, воспользовавшись редкими «дозволенными» часами свободы, выпивает в кафе с другими мужчинами. Раз в год ее непреодолимо влечет паломничество в Каюзак, в Жимозэ, где она молится в храме Семи Скорбей Пресвятой Девы Марии. Ее статуя, найденная в Средние века одним фермером, по слухам творит чудеса. Женщина чувствует, что между ними существует таинственная связь. Но вот ведь странность: когда под Рождество девушки и парни стучат в дверь ее дома, чтобы спеть вместе гимн, который сулит счастье и здоровье, она не открывает, брюзжит, что, вот, мол, пустишь их — придется поить водкой, одаривать яйцами. Только она различает веру и суеверие. Встретив на рынке гадалку, разворачивается и волочет за собой дочь, едва не выворачивая ребенку плечо, а сама оглядывается на предсказательницу и обливает ее презрением, гневом и сожалением.

Доев, отец отодвигается от стола, встает с тяжелым вздохом, надевает пальто, выходит на улицу, устраивается на скамейке и раскуривает трубочку. Она высвечивает его крючковатый нос и темные, глубоко посаженные глаза. Элеонора выносит ему стаканчик глинтвейна, водки или арманьяка, потом садится рядом на маленькую скамеечку, вдыхает едкий запах табака, который смешивается в сумерках или темноте ночи с ароматами влажной земли, а если днем был ливень, то и воды, и обожженных солнцем кустарников. На закате с пастбища, звеня бубенчиками, возвращается стадо. Мать сидит у огня и прядет лен.

Отец не произносит ни слова, но ему нравится, что Элеонора касается рукой его руки. Дочь разделяет отрешенность родителя, всматривается в ночь и спокойствие двора, пурпурную кулису небес, все еще лазоревых за черной линией черепичной крыши пристройки, макушки высоких дубов и каштанов. Домашний скот затихает в хлеву, похрюкивают в свинарнике свиньи, квохчут птицы. В конце лета, когда ночи становятся прохладными, а на величественном куполе прояснившегося неба появляются звезды, она зябко вздрагивает, подсовывает ноги под бок лежащей перед ними собаки и прижимается к отцу. Иногда он поднимает руку, и она прячет голову у него под мышкой.

Это тело ей чужое, как и живущий в нем человек, молчаливый болезненный отец, с которым она за всю свою жизнь вряд ли обменялась сотней слов, невзрачный крестьянин, надрывающийся на работе и как будто жаждущий приблизить свой конец, но — после жатвы, после сева, после пахоты, после... Мать пожимает плечами, вздыхает. Она говорит: «увидим», «если Господь пожелает», «да услышит тебя Всевышний и смиляется над нами». Женщина боится, что он уйдет раньше времени, и как ей тогда жить, сироте, на что растить ребенка? Она вспоминает тяжелые роды — ничего удивительного, старородящая была, двадцати восьми лет. А в довершение всех бед на свет вместо мальчика появилась девка. Сын-то с юности стал бы подмогой отцу, человеку стойкому и упорному, но не честолюбивому. После него только и останется, что бугристая

земля, семейная ферма, приносящая скудные урожаи. Раньше семья мужа владела виноградником, но филлоксера¹ не пощадила несколько раздробленных арпанов² каменистой земли, и предок — отец отца — угас от горя, быстро и тихо. Упал у ног своей коровы, которая так и щипала траву в овражке, куда притащила плуг, а хозяин лежал между кочками, сухой и сморщенный, как увядшая лоза. Сельскохозяйственный кризис и падение цен на зерно нанесли крестьянству непоправимый урон. Залежных земель становится все больше, молодежь уезжает, девушки хотят работать кормилицами или служанками в буржуазных семьях, парни идут работать на карьер или подрываются строить: их натруженные на полевых работах руки хорошо «продаются». Мать иногда говорит, что они скоро останутся одни, будут до конца бороться с этой строптивой землей. Победа останется за ней.

Элеонора сидит неподвижно, она сосредоточена на отце, его дыхание пахнет табаком, камфарой и настойками, он вдыхает их, смочив носовой платок, который всегда лежит у него в кармане. Когда отец делает глубокий вдох или его одолевает тяжелый мокрый кашель, он отхаркивает густую мокроту, а ребра рвутся наружу. Девочка задремывает. Каменные строения оседают одно за другим, проваливается земля, и остаются она, отец и легавая у их ног. Влажная ночь становится плотнее, проникает через ноздри в легкие. Они одни. Висят в торжественном про-